

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.111(09)
doi 10.17072/2073-6681-2021-3-70-78

ЖАНРОВАЯ ПОЭТИКА КНИГИ А. С. БАЙЕТТ «ПАВЛИН И ВИНОГРАДНАЯ ЛОЗА»¹

Нина Станиславна Бочкарева

д. филол. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. nsbochk@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0518-9976>

SPIN-код: 5691-5020

ResearcherID: P-2300-2016

Статья поступила в редакцию 15.05.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бочкарева Н. С. Жанровая поэтика книги А. С. Байетт «Павлин и виноградная лоза» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 3. С. 70–78. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-70-78

Please cite this article in English as:

Bochkareva N. S. Zhanrovaya poetika knigi A. S. Bayett «Pavlin i vinogradnaya loza» [Genre Poetics of A. S. Byatt's Book 'Peacock & Vine']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 3, pp. 70–78. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-70-78 (In Russ.)

В статье исследуется последняя книга известной английской писательницы А. С. Байетт «Павлин и виноградная лоза» (2016) в контексте творчества автора (романов, рассказов, эссе). Доказывается, что противоречивые отзывы англоязычной критики вызваны пограничной природой жанра эссе и авторской мифологией. В книге соединяются параллельные биографии двух художников и эссе о дизайне на рубеже XIX–XX вв. Делается вывод о том, что Байетт использует на разных уровнях поэтики характерный для нее метод аналогии. Она сопоставляет жизнь и творчество Уильяма Морриса и Мариано Фортунни через универсалии Север и Юг, усложненные в национальных (точнее – культурных) образах и символах. Акцент делается не столько на жизни, сколько на творчестве дизайнеров, прежде всего домах и тканях, причем увиденных глазами самой Байетт, через призму ее биографии и творчества. Главный принцип автора – постижение своего через чужое и чужого через свое. Если в романе «Детская книга» (2009) фигура Морриса вписывалась в социально-политический и психоаналитический контексты, то в книге «Павлин и виноградная лоза» его жизнь буквально «освещается» не только его собственным творчеством, но и экспериментами с цветом и светом, которые проводил Фортунни.

Основными критериями оценки выступают цвет (свет) и соразмерность (композиция), характерные для дизайна художников и стиля Байетт. Однако в вербальной интерпретации растительных и животных орнаментов (виноградная лоза и гранат, павлин и феникс, лев и дракон) прослеживается многогранный диалог язычества и христианства, прошлого и современности, мужчины и женщины, двух знаменитых дизайнеров, ар-нуво и ар-деко. Иллюстрации (фотографии, рисунки, репродукции) составляют с вербальным текстом эссе-биографии органическое целое книги, подчеркивая особую роль паратекста в творчестве Байетт. Поиск слов для передачи визуальных образов – особая задача автора эссе-биографии, волновавшая ее на протяжении всего ее творчества. В книге «Павлин и виноградная лоза» она достигает той точности и ясности языка, о которой мечтала, работая над романом «Натюрморт» (1985), но простота и сложность стиля становятся составной частью авторского мифологизма. Англичанин Моррис, который испытывал страстное увлечение Средневековьем и Севером, путешествовал в Исландию и воспринимал скандинавский эпос как живую реальность, сопоставляется с испанцем Фортунни, который пристрастился к Античности и Средиземноморью, жил в Париже и

Венеции и воспринимал скандинавский эпос только через призму театра Вагнера. Увлечение скандинавской мифологией самой Байетт восходит к ее военному детству, что находит отражение в книге «Рагнарек» (2011).

Ключевые слова: эссе; биография; экфрасис; Уильям Моррис; Мариано Фортунни; А. С. Байетт.

В последней книге известной английской писательницы А. С. Байетт «Павлин и виноградная лоза» (“*Peacock & Vine: On William Morris and Mariano Fortuny*”, 2016) соединяются параллельные биографии художников и эссе об искусстве. Как и в знаменитых сравнительных жизнеописаниях Плутарха, сопоставляются представители разных национальных культур (у Плутарха – греки и римляне, у Байетт – англичанин Уильям Моррис и испанец Мариано Фортунни). Если Плутарх, отделяя биографию от истории и ставя «этическую цель выше собственно исторической», стремился понять «образ мыслей и характер человека» [Томашевская 1990: 9–11], то Байетт, как Уолтер Пейтер в книге «Ренессанс» (“*The Renaissance*”, 1873–1877), делает акцент на творчестве художников, причем не только на создании артефактов, но и на их субъективном восприятии автором эссе. На первый план в книге Байетт выходят размышления об искусстве рубежа XIX–XX вв., о стиле модерн (ар-нуво), одним из создателей которого был Уильям Моррис (1834–1896), и о его преемнике – стиле ар-деко, одним из создателей которого был Мариано Фортунни (1871–1949). В названии и на обложке книги отражены художественные символы стиля модерн – павлин и виноградная лоза (рисунки на ткани, созданный Филипом Уэббом и Уильямом Моррисом).

Байетт создавала биографии известных и вымышленных писателей в разных жанрах: в документальной биографии Вордсворта и Кольриджа (“*Unruly Times*”, 1970) и в романах, например, «Обладание» (“*Possession*”, 1990) и «Рассказ биографа» (“*The Biographer’s Tale*”, 2000). Эссе об искусстве в ее творчестве тесно связано с эссе о литературе. Книга «Степени свободы» (“*Degrees of Freedom*”, 1965) о ранних романах А. Мердок, которая сама сначала собиралась стать живописцем, начинается с цитаты из статьи “*Against Dryness*” (1961): “We need <...> *to picture*, in non-metaphysical, non-totalitarian, and non-religious sense, the transcendence of reality” (курсив наш. – Н. Б.) [Byatt 1994: 3]. Сборники «Страсти разума» (“*Passions of the Mind*”, 1991) и «Об историях и рассказах» (“*On Histories and Stories*”, 2000) посвящены разным проблемам литературы и искусства, в том числе ее собственным произведениям. В связи с романом «Натюрморт» (“*Still Life*”, 1985) Байетт неоднократно обращалась к творчеству Ван Гога [Графова 2019: 38, 99–112]. Ее романы и рассказы наполнены прямыми и

косвенными аллюзиями к изобразительным искусствам. В эссе-лекции «Портреты в литературе» (“*Portraits in Fiction*”, 2001) сравниваются произведения литературы и живописи [см. Бочкарева 2016].

Объектом эссе-биографии «Павлин и виноградная лоза», как и романа «Детская книга» (“*The Children’s Book*”, 2009) [Бочкарева 2015], становятся жизнь художников и произведения декоративно-прикладного искусства: “I grow more and more interested in polymaths in the arts and I have always admired those whose lives and arts are indistinguishable from each other. And as I grow older I become more and more interested in craftsmen – glass-blowers, potters, makers of textiles” [Byatt 2016: 3]. Критик Дуглас Мюррей не увидел художественных достоинств книги (первоначально его критическая заметка называлась “Who let A. S. Byatt publish *Peacock and Vine*?”) и посетовал на то, что Байетт не написала роман на эту тему: “This slack, lavishly illustrated essay should have been sent away to develop into a novel” [Murray 2016]. Однако историк искусства и биограф Фиона Маккарти высоко оценила сравнение двух художников и размышления писательницы об искусстве: “Byatt teases out the similarities and contrasts between two multifaceted makers, who each gave their name to famous brands, in this late-life meditation on the values of art” [MacCarthy 2016]. Доминик Браунинг, в прошлом главный редактор американского журнала *House & Garden*, тоже отметила новаторство книги в сопоставлении двух гениальных дизайнеров, сходства деятельности и мировоззрения которых до сих пор никто не замечал [Browning 2016]. Критик Э. П. Вуд, наоборот, увидел недостаток книги в стремлении сблизить героев, но восхитился «элегантной прозой» автора (“intensely visual and descriptive writer”), ее видением реальности (“sharp eye on the real world”) [Wood 2017]. Джейн Шиллинг особенно подчеркнула умение Байетт передавать словами «эмоциональный потенциал» физических объектов: “if anyone can turn words into shade, texture, patina, heft, it is Byatt” [Shilling 2016].

Широкая эрудиция, глубина мысли и острота восприятия, большой жизненный опыт и литературный талант автора делают книгу «Павлин и виноградная лоза» оригинальной как по замыслу, так и по его воплощению. Этим объясняется и расхождение во мнениях критиков. Михаил Эпштейн еще в 1982 г. подчеркивал не только

свободу эссеистики, но и ее пограничный характер: «Эссе – частью признание, как дневник, частью рассуждение, как статья, частью повествование, как рассказ. Это жанр, который только и держится своей принципиальной внежанровостью. Стоит ему обрести полную откровенность, чистосердечность интимных излияний – и он превращается в исповедь или дневник. Стоит увлечься логикой рассуждения, диалектическими переходами, процессом порождения мысли – и перед нами статья или трактат. Стоит впасть в повествовательную манеру, изображение событий, развивающихся по законам сюжета, – и невольно возникает новелла, рассказ, повесть» [Эпштейн 2005: 372–373]. Парадоксальное сочетание жанра и внежанровости, мифологии и авторства определяет, по мнению критика, сущность эссе: «Эссеизм – мифология, основанная на авторстве» [Эпштейн 2005: 376]. Поэтому «авторская свобода мифотворчества, включающая свободу от надличной логики самого мифа», формирует жанр эссе. Оно «постоянно колеблется между мифом и не-мифом, между тождеством и различием: единичность совпадает с общностью, мысль – с образом, бытие – со значением, но совпадают не до конца, выступают краями, создающими неровность, сбив» [Эпштейн 2005: 376]. Мифопоэтика романов и рассказов Байетт часто исследуется не только зарубежными, но и российскими учеными [Муратова 1999; Шушпанова 2019 и др.].

Север и Юг (третья глава книги Байетт называется “North & South”) – универсальный архетип европейской культуры, получивший широкое распространение в литературе романтизма («Коринна, или Италия» Жермены де Сталь, «Странствия Франца Штернбальда» Людвига Тика и др.) и реализованный в творчестве Байетт, в частности в рассказах сборника «Стихии: Рассказы огня и льда» (“Elementals: Stories of Fire and Ice”, 1998) и в уже упоминаемом романе «Обладание», за который она получила премию Букер. В этих и других произведениях Байетт взаимодействие Север – Юг часто выражает взаимоотношения мужчины и женщины, искусства и реальности и получает символическое разрешение, например, в дихотомии стекла, как в повести «Джинн в бутылке из стекла “соловьиный глаз”» (“The Djinn in the Nightingale’s Eye”, 1994) (см.: [Tiffin 2006; Hicks 2009; Владимирова, Куприянова 2018; Бочкарева, Неклюдова 2019] и др.). Во взаимодействии Севера и Юга, представленных разными национальными культурами, происходит интеллектуальное и чувственное познание героями чужого через свое и своего через чужое. В эссе-биографии «Павлин и виноградная лоза»

Север и Юг представлены двумя художниками-дизайнерами (Моррисом и Фортуну).

Книга начинается с посещения автором-англичанкой дома-мастерской Мариано Фортуну в Венеции – Палаццо Орфей (Palazzo Pesaro Orfei). Находясь среди каналов и камней Венеции, Байетт закрывает глаза и видит английские леса, дом Морриса в поместье Кельмскотт (Kelmscott Manor), зеленую траву и реку Темзу. В конце книги вариативно повторяется эта сцена и добавляется другая: когда Байетт находится в музее Морриса в Уолтемстоу (William Morris Museum in Walthamstow), она закрывает глаза и видит камни и каналы Венеции. Оба художника сделали свой дом местом своей работы: “They both made the place where they lived identical with the place where they worked” [Byatt 2016: 165]. Оба они были «маниакальными тружениками, бесконечно изобретательными, бесконечно скрупулезными, бесконечно прекрасными» (“two obsessive workers, endlessly inventive, endlessly rigorous, endlessly beautiful”), оба стремились делать вещи разнообразнее и лучше. Самым знаменитым творением Морриса был, конечно, Красный дом (Red House), созданный по проекту архитектора Ф. Уэбба при участии живописцев Э. Берн-Джонса и Д.Г. Россетти. Этому дому, объединившему «жизнь, работу и искусство» (“life, work and art”), разные ремесла и разных художников, посвящен в книге первый параграф второй главы “The Houses”.

Моррис для Байетт – свое, родное, привычное знакомое. Многие вещи в доме восьмидесятилетней Байетт связаны с Моррисом и его деятельностью как дизайнера (кушетка, обои, занавески, полотенце, поднос, плитка), о чем мы узнаем уже в финале книги. А в самом начале Байетт упоминает о том, что ее собственные предки были гончарами в Стаффордшире: “My own ancestors were potters in the English pottery towns – the Five Towns in Staffordshire” [Byatt 2016: 3]. В рассказе Байетт «Расин и скатерть» (“Racine and the Tablecloth”) близкая автору главная героиня Эмили Брей происходит из семьи гончаров графства Стаффордшир (Potteries family, от разговорного названия города гончаров), как и автобиографический повествователь из рассказа «Сахар» (“Sugar”). Оба рассказа обрамляют сборник “Sugar and Other Stories” (1987). Фамилию Potter носят героини романной тетралогии Байетт, которая начинается романом «Дева в саду» (“The Virgin in the Garden”, 1978). Английское гончарное искусство на рубеже XIX–XX вв. в контексте «Движения искусств и ремесел» определило одну из главных сюжетных линий в уже упомянутом романе «Детская книга».

Книга о дизайнерах Моррисе и Фортуне родилась в «промежутке» между выходом в свет романа о Великобритании накануне Первой мировой войны и еще не реализованным замыслом «европейского романа» о психоанализе и сюрреализме [Антония Байетт 2014]. Начиная со сборника «Страсти разума», Байетт неоднократно повторяла в эссе и интервью мысль о связи ее критических работ с созданием романов и рассказов, чтения с письмом, мышления с воображением. Это и определило «промежуточный» характер книги «Павлин и виноградная лоза»: “As I grow older, also, I have come to understand that my writing – fiction and thinking – starts with a moment of sudden realization that two things I have been thinking about separately are parts of the same thought, the same work” [Byatt 2016: 3]. Знание «своего» Морриса подготовило ее интерес к Мариано Фортуне, и наоборот: “I was using Morris, whom I did know, to understand Fortuny. I was using Fortuny to reimagine Morris” [Byatt 2016: 6]. Однако ее интерес к знаменитому кутюрье возник уже при чтении эпопеи М. Пруста «В поисках утраченного времени», где упоминается платье Фортуне, принадлежащее Альбертине. Франция для Байетт, как и для многих современных английских писателей, – второе место жительства: “You come from the North, you live in London, you have a house in France, you feel part of Europe” [Phillips 2017]. Особая любовь к французской культуре и Прусту лейтмотивом проходит через все творчество Байетт, что отражается, например, в двух эпитафиях к роману «Натюр-морт» (из двух романов эпопеи Пруста). Байетт близок его способ видеть цвета и вещи, выражать это видение в словах.

Мариано Фортуне соединил испанскую (отец – знаменитый живописец, да и многие предки были художниками и любителями искусства), итальянскую (палаццо в Венеции) и французскую (создание стиля ар-деко) культуры. После смерти отца его мать переехала в Париж, но из-за его аллергии и болезни им пришлось поселиться в Венеции. Особое пристрастие Мариано Фортуне к Античности и Средиземноморью уводит вглубь веков и делает еще более очевидным его «южное» происхождение как художника: “Fortuny’s imaginative roots were Mediterranean – North Africa, Crete and Delphos” [Byatt 2016: 6]. Оно отчетливо проявляется и усложняется в сопоставлении с Моррисом, который, будучи англичанином, испытывал страстное увлечение Средневековьем: не только историей короля Артура и рыцарей Круглого стола, но и Исландией, и скандинавским эпосом (“the Icelandic sagas, Iceland itself, the North Sea”). В отношении к скандинавской мифологии Байетт отмечает близость и разность

Морриса и Фортуне. Моррис путешествовал в Исландию, воспринимал скандинавский эпос как живую реальность и не принимал Вагнера и его концепцию драматической оперы. Фортуне, напротив, воспринимал скандинавскую мифологию только через призму театра Вагнера, опосредованно. Увлечение скандинавской мифологией самой Байетт восходит к ее военному детству и получает отражение в ее творчестве, особенно в книге «Рагнарек» (“Ragnarök: The End of the Gods”, 2011) [см. подробнее: Муратова 2017], а также в романах и рассказах.

Когда Байетт решила сопоставить (точнее – противопоставить) дизайн Морриса и Фортуне, она не предполагала, что обнаружит столько параллелей их личности и творчества, глубоко связанных и с ее творческой личностью. В рецензии Фионы Маккарти сопоставляются очень похожие фотографии признанных мастеров Морриса и Фортуне [MacCarthy 2016], а в анализируемом нами издании книги Байетт используются совсем другие фотографии, демонстрирующие творческий **диалог** двух молодых дизайнеров [Byatt 2016: 4–5]. Особенно контрастными выглядят в первой главе “Fortuny & Morris” жены художников – Джейн Моррис и Генриетта Негрин, их характеры, отношение к мужу и роль в создании домашней атмосферы и условий для работы. Однако эти различия только подчеркивают эстетизацию женских образов, взгляд на них художников (портреты Морриса и Россетти, карикатуры Берн-Джонса, воспоминания Генри Джеймса и др., картины, фотографии, рисунки Фортуне). По сути, любовь к женщине (отношения с женой) играет в эссе-биографии подчиненную роль по отношению к искусству. При этом пристрастие самой Байетт к вещам, тканям, узору и цвету можно в какой-то мере назвать «женским». Дж. Хеффернан в своей знаменитой книге об экфрасисе противопоставляет визуальное (женское) и вербальное (мужское), опираясь на миф о Филомеле, которая вышивкой на ткани рассказала свою печальную историю [Heffernan 2004: 47–90]. Экфрасические вариации этого мифа прослеживаются от «Метаморфоз» Овидия до «Лукреции» Шекспира. Байетт разрешает этот конфликт, переходя на сторону героев-художников и делая акцент на вербальной репрезентации их дизайнерских экспериментов.

Цвет (преломление света) и форма (соразмерность) являются основными критериями ценностных ориентаций автора эссе-биографии. Книга начитается с наблюдений над игрой света и цвета, с развернутого сопоставления аквамарина (“aquamarine light”) каналов и камней Венеции и разных оттенков зелени (“green light”) английских лугов и лесов. В финальной Коде (“Coda”),

обычно дополняющей завершение музыкального произведения, Байетт признается: “I like looking at colours, just for the sake of looking at colours” [Byatt 2016: 164]. По ее мнению, это единственный правильный взгляд на вещи. Здесь она приводит пример, не связанный непосредственно с Моррисом и Фортуну: на выставке изображений Руанского собора Клода Моне посетители читали названия картин вместо того, чтобы всматриваться в цвета (о символике цвета см. также: [Дарененкова 2012]). В другом месте книги Байетт цитирует лекцию Морриса о дизайне, где указывается на три основных качества орнамента: “beauty, imagination and order” [Byatt 2016: 135]. Центральная (четвертая) глава эссе-биографии называется “Fabrics, Designs & Light” (один из возможных вариантов перевода – «Ткани, узоры, свет») и начинается с ритмов растительных орнаментов Морриса «Жимолость» и «Ивовые ветви» (“the feeling of free growth is contained in the geometrical repetitions” по принципу спирали Фибоначчи), а предыдущая глава заканчивалась описанием Кносского шарфа Фортуну в связи с трагической ролью похожего шарфа в судьбе танцовщицы Айседоры Дункан. Сближающие обоих дизайнеров мотивы рисунков тканей, их цвет и ритм сначала воспринимались Байетт, по ее собственным словам, поверхностно, но чем больше она в них вглядывалась, тем больше думала о человеческой истории, об аллегорическом и метафизическом значении мотивов, помещенных на церковных окнах, шелковых платьях или бархатных пальто.

Так, мотив граната, символизирующего жизнь, смерть и границу между ними, восходит в пятой главе “Pomegranate” к древним культурам, стихотворениям Роберта Браунинга “Bells and Pomegranates” и картине Д. Г. Россетти “Proserpine”, для которой позировала Джейн Моррис и на которой Россетти поместил собственный сонет, раскрывающий через внутренний диалог состояние героини. Байетт переносит отношения между Россетти, Джейн и Моррисом на миф о Прозерпине (Персефоне), заключенной в подземном царстве, темном и холодном. На рисунках Морриса декоративность граната сближает его с другими фруктами, свободно соединяя разные растения. С другой стороны, Байетт актуализирует символику граната как символа распятия и воскресения Христа: “The pomegranate was used to adorn images of the crucifixion and resurrection of Christ” [Byatt 2016: 130], подробно описывает облачения священников, которые создавал Фортуну, и по контрасту упоминает о его знаменитых платьях, подчеркивающих красоту и притягательность женского тела. В детстве Байетт училась в квакерской школе, но, по ее словам,

предпочитала библейским историям скандинавские мифы и сказки. Это нашло отражение и в ее творчестве, и в ценностных ориентирах исследуемой книги, хотя в глубине текста она ведет постоянный и напряженный диалог с Библией и христианством.

Птицы павлин и феникс, которым, как и гранату, Байетт посвящает специальную (шестую) главу “Bird”, в символике венецианских храмов тоже выступают аллегориями бессмертия и воскресения, “symbolizing the triumph of the spirit over the world of earthly desires” (Peter Collier цит. по: [Byatt 2016: 145]). Английская писательница ведет многоуровневый диалог с современными критиками и классиками, цитируя Пруста (платье Альбертины) и Джона Раскина («Камни Венеции»), когда рассматривает фигурки декора собора св. Марка в Венеции. Кроме того, Байетт внимательно вглядывается в изображения птиц на орнаментах Морриса и Фортуну, помещенных в книгу в качестве иллюстраций, и подробно их описывает. Поиск слов для передачи визуальных образов – особая задача автора эссе-биографии, волновавшая ее на протяжении всего творчества.

Кажется, что в книге «Павлин и виноградная лоза» она достигает той точности и ясности языка, о которой мечтала, работая над романом «Натюрморт» [Byatt 1993: 9]. Показателен в этом отношении диалог Байетт с Моррисом и исследователями его творчества, в процессе которого создается ее собственный текст: “I am very attached to his first attempt to depict birds, which he did on his first known embroidery in 1857. This is a woolen hanging, If I Can (Morris’s personal motto), which has a simple pattern of alternating trees bearing red and yellow fruits, and some hunched creatures which I think of as the Flat Bird. The art historian Linda Parry refers to this creature as ‘overstylised’, but I would call it uncouth. It has two flatish slabs, tapering towards the left end, on top of each other, with a beak shape at the top right. I am no sure, looking at it in reproduction, whether it has an eye – there is no attempt at feet. Apparently it was once brightly coloured in aniline dyed crewel wools, which have now faded to ghostly browns” [Byatt 2016: 151, 153]. “The Flat Bird” – обобщенный силуэт птицы для учебных целей [Matthew 2002]. Перевод визуальных образов в словесные напоминает расшифровку иероглифов, точнее – рисуночного письма, простых знаков и одновременно каких-то странных символов. Подробно описывая стилизованную фигурку, Байетт не упоминает других птичек, сидящих на деревьях (см. иллюстрацию: [Byatt 2016: 154]). Скупая точность экфрасиса передает субъективное восприятие автора эссе и становится выражением авторского мифологизма.

Книга Байетт заканчивается подробным описанием произведений Фортун и Морриса с изображением птиц, животных и растений (платье Фортун «Элеонора» с изображением геральдических львов и ткань Морриса «Павлин и Дракон»). Они еще раз указывают на общее и различное в творчестве двух знаменитых дизайнеров рубежа XIX–XX вв. в контексте сопоставления Юга (лев) и Севера (дракон). Завершающий экфрасис более живописен, чем приведенное выше описание гобелена “If I Can”, но и ему присущи эпические ясность и точность: “Morris’s Peacock and Dragon is sumptuous in green and gold. Horizontal lines of golden dragons alternate with horizontal lines of more shadowy peacocks in a redder gold and a shadowy green. They have wonderful curved necks, echoing each other, mouths open to hiss or shoot flame, static and aggressive. The peacocks have proud feet and tails; the dragons curve downwards out of a formal flame. The green background is formal too, and full of green flowers and leaves that make one surface. These are designed to occupy a proud space – a large wall. The whole surface is splendidly integrated and full of interesting detail. Like the Fortuny dress, Peacock and Dragon is brilliant, complicated and simple. I look at them again and again” [Byatt 2016: 168]. Великолепие зеленого усложняется оттенками (“a redder gold and a shadowy green”). Ритм описания передает симметрию орнамента и напоминает застывшее в веках величественное шествие, подчеркнутое эпитетами *proud, static and aggressive*. Его одновременные простота и сложность характеризуют стиль самой Байетт.

Таким образом, английская писательница в эссе-биографии «Павлин и виноградная лоза» использует на разных уровнях поэтики характерный для нее метод аналогии. Она сопоставляет жизнь и творчество Морриса и Фортун через универсалии Север и Юг, усложненные в национальных (точнее – культурных) образах и символах. Акцент делается не столько на жизни, сколько на творчестве дизайнеров, прежде всего – домах и тканях, причем увиденных глазами самой Байетт, через призму ее биографии и творчества. Главный принцип – постижение своего через чужое и чужого через свое. Если в романе «Детская книга» фигура Морриса вписывалась в социально-политический (защита террористов) и психоаналитический (болезнь гончара Фладда) контексты, то в книге «Павлин и виноградная лоза» его жизнь буквально «освещается» не только его собственным искусством, но и фантастическими экспериментами с цветом и светом, которые проводил Фортун.

Основными критериями оценки выступают цвет (свет) и соразмерность (композиция), харак-

терные для дизайна художников и стиля Байетт. Предложенная нами для удобства анализа нумерация частей отсутствует и в лаконичном оглавлении с трехкратным использованием логограммы &, и в основном тексте, напоминая вариативное развитие музыкальных и орнаментальных мотивов. Иллюстрации (фотографии, рисунки, репродукции) составляют с вербальным текстом эссе-биографии органическое целое книги, подчеркивая особую роль паратекста в творчестве Байетт (см. [Бочкарева, Графова 2021]). В книге «Павлин и виноградная лоза» дизайн, в создании которого принимали участие несколько издателей и художников [Byatt 2016: 180–181], особенно важен для понимания основного текста. В вербальной интерпретации растительных и животных орнаментов (виноградная лоза и гранат, павлин и феникс, лев и дракон) прослеживается многогранный диалог язычества и христианства, прошлого и современности, мужчины и женщины, двух знаменитых дизайнеров, ар-нуво и ар-деко.

Примечание

¹ В статье используются материалы докладов, представленных автором на конференциях «Поспеловские чтения» (Москва, 2017) и «Иностранные языки и литературы в контексте культуры» (Пермь, 2018) и ранее не публиковавшихся.

Список литературы

Антония Байетт: русская душа не загадочна / интервью Николая Караева. 29 дек. 2014 г. URL: <http://rus.postimees.ee/3038765/antonija-bajett-russkaja-dusha-ne-zagadochna> (дата обращения: 11.03.2016).

Бочкарева Н. С. Жанровое своеобразие эссе А. С. Байетт «Портреты в литературе» // *Мировая литература в контексте культуры*. 2016. Вып. 5 (11). С. 222–229.

Бочкарева Н. С. Экфрасис произведений декоративно-прикладного искусства в романе А. С. Байетт «Детская книга» // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2015. Вып. 3 (31). С. 105–122.

Бочкарева Н. С., Графова О. И. Паратекст романа А. С. Байетт «Дева в саду» в аспекте интермедальности // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021. № 70. С. 199–211. doi 10.17223/19986645/70/11

Бочкарева Н. С., Неклюдова А. Г. Мотивная структура и образы стеклянных пресс-папье в повести А. С. Байетт «Джин в бутылке из стекла “соловьиный глаз”» // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2019. Т. 11, вып. 2. С. 66–78. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-66-78

Владимирова Н. Г., Куприянова Е. С. Филологический дискурс в сказочной повести А. С. Байетт «Джинн в бутылке из стекла “соловьиный глаз”» // Новый филологический вестник. 2018. № 4 (47). С. 207–217.

Графова О. И. Экфрастическая экспозиция и ее функции в романах А. С. Байетт «Дева в саду» и «Натюрморт»: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2019. 167 с.

Дарененкова В. С. Символика цвета в «Маленькой черной книге рассказов» А. С. Байетт: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012. 190 с.

Муратова Я. Ю. Мифопоэтика в современном английском романе (Дж. Барнс, А. Байетт и Дж. Фаулз): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 28 с.

Муратова Я. Ю. Миф в произведении А. С. Байетт «Рагнарек. Конец богов»: специфика нарратива // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23, № 2. С. 98–102.

Томашевская М. Плутарх // Плутарх. Избранные жизнеописания: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1. С. 5–24.

Шушпанова М. А. Мифопоэтика А. Байетт: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2019. 214 с.

Эпштейн М. Н. Эссеизм как направление в культуре (1982) // Эпштейн М. Н. Постмодерн в русской литературе. М.: Высш. шк., 2005. С. 372–377.

Browning D. Designing Men: The Art of William Morris and Mariano Fortuny // The New York Times. 9 Sept. 2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/09/11/books/review/a-s-byatt-william-morris-mariano-fortuny-peacock-and-vine.html> (дата обращения: 10.04.2020).

Byatt A. S. Degrees of Freedom: The Early Novels of Iris Murdoch. L.: Vintage, 1994. 358 p.

Byatt A. S. Peacock & Vine: On William Morris and Mariano Fortuny. N. Y.: Alfred A. Knopf, 2016. 184 p.

Byatt A. S. Still Life / Nature morte (1986) // Byatt A. S. Passions of the Mind. L.: Vintage, 1993. P. 9–20.

Heffernan J. A. W. Museum of Words: The Poetic of Ekphrasis from Homer to Ashbery. Chicago, London: University Chicago Press, 2004. 249 p.

Hicks E. Material pleasures: the still life in the fiction of A. S. Byatt, Doctor of Philosophy thesis, University of Wollongong, 2009. 253 p.

MacCarthy F. Peacock and Vine by A. S. Byatt review – Mariano Fortuny and William Morris, masters of design // The Guardian. 1 July 2016. URL: <https://www.theguardian.com/books/2016/jul/01/peacock-and-vine-by-as-byatt-review-mariano-fortuny-william-morris> (дата обращения: 10.04.2020).

Murray D. A trick of the light // The Spectator. 9 July 2016. URL: <https://www.spectator.co.uk/2016/07/who-let-a-s-byatt-publish-peacock-and-vine> (дата обращения: 10.04.2020).

Phillips Ju. A. S. Byatt: I Have Not Yet Written Enough At 80, the Iconic Writer Reflects on Brexit, Mortality, and the Literary Life. 9 February 2017. URL: <https://lithub.com/a-s-byatt-i-have-not-yet-written-enough> (дата обращения: 10.12.2019). This interview originally appeared in Dutch, in Trouw, Dec. 3, 2016.

Shilling J. The stuff of life: how A. S. Byatt intertwined the lives of William Morris and Mariano Fortuny // The English Revolt. 21 July 2016. URL: <https://www.newstatesman.com/culture/books/2016/07/stuff-life-how-s-byatt-intertwined-lives-william-morris-and-mariano-fortuny> (дата обращения: 10.04.2020).

Tiffin J. Ice, Glass, Snow: Fairy Tale as Art and Metafiction in the Writing of A. S. Byatt // Marvels & Tales. 2006. Vol. 20, № 1. P. 47–66.

Wood A. P. Book review: Peacock and Vine by A. S. Byatt // The New Zealand Listener. 29 Mar. 2017. URL: <https://www.noted.co.nz/culture/culture-books/book-review-peacock-and-vine-by-as-byatt> (дата обращения: 10.04.2020).

References

Antoniya Bayett: russkaya dusha ne zagadochna. Interv'yu Nikolaya Karaeva. 29 dek. 2014 g. [Antonia Byatt: Russian soul is not mysterious. Interview with Nikolay Karaev. December 29, 2014]. Available at: <http://rus.postimees.ee/3038765/antoniya-bajett-russkaja-dusha-ne-zagadochna> (accessed 11.03.2016). (In Russ.)

Bochkareva N. S. Zhanrovoe svoeobrazie esse A. S. Bayett 'Portrety v literature' [Genre originality of A. S. Byatt's essay 'Portraits in Fiction']. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture], 2016, issue 5(11), pp. 222–229. (In Russ.)

Bochkareva N. S. Ekfrasis proizvedeniy dekorativno-prikladnogo iskusstva v romane A. S. Bayett 'Detskaya kniga' [Ekphrasis of arts and crafts in A. S. Byatt's novel 'The Children's Book']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2015, issue 3 (31), pp. 105–122. (In Russ.)

Bochkareva N. S., Grafova O. I. Paratekst romana A. S. Bayett 'Deva v sadu' v aspekte intermedial'nosti [The intermedial aspect of paratext of the novel 'The Virgin in the Garden' by A. S. Byatt]. *Tomsk State University Journal of Philology* [Tomsk State University Journal of Philology], 2021, issue 70, pp. 199–211. doi 10.17223/19986645/70/11 (In Russ.)

Bochkareva N. S., Neklyudova A. G. Motivnaya struktura i obrazy steklyannykh press-pap'e v povesti A. S. Bayett 'Dzhin v butylke iz stekla 'solov'inyy glaz'' [The motif structure and images of glass paperweights in the fairy story 'The Djinn in the Nightingale's Eye' by A. S. Byatt]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 2, pp. 66–78. doi 10.17072/2073-6681-2019-2-66-78 (In Russ.)

Vladimirova N. G., Kupriyanova E. S. Filologicheskiy diskurs v skazochnoy povesti A. S. Byatt 'Dzhinn v butylke iz stekla 'solov'inyy glaz'' [Philological discourse in the poetics of A. S. Byatt's fairy story 'The Djinn in the Nightingale's Eye']. *Novyy filologicheskiy vestnik* [The New Philological Bulletin], 2018, issue 4 (47), pp. 207–217. (In Russ.)

Grafova O. I. *Ekfrasticheskaya ekspozitsiya i ee funktsii v romanakh A. S. Bayett 'Deva v sadu' i 'Natyurmort'*. Dis. kand. filol. nauk [Ekphrastic exposition in A. S. Byatt's novels 'The Virgin in the Garden' and 'Still Life'. Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2019. 167 p. (In Russ.)

Darenenkova V. S. *Simvolika tsveta v 'Malen'koy chernoy knige rasskazov'*. Dis. ... kand. filol. nauk [Symbolism of color in A. S. Byatt's 'Little Black Book of Stories'. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2012. 190 p. (In Russ.)

Muratova Ya. Yu. *Mifopoetika v sovremenom angliyskom romane: Dzh. Barnes, A. Bayett, Dzh. Faulz*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Mythopoetics in the contemporary English novel: J. Barnes, A. Byatt, J. Fowles. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1999. 28 p. (In Russ.)

Muratova Ya. Yu. Mif v proizvedenii A. Bayett 'Ragnarek. Konets bogov': spetsifika narrativa [The myth in the story 'Ragnarok. The End of the Gods' by A. Byatt: Narrative specifics]. *Vestnik Kostromskogo Universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2017, vol. 23, issue 2, pp. 98–102. (In Russ.)

Tomashevskaya M. Plutarkh [Plutarch]. *Plutarkh. Izbrannye zhizneopisaniya* [Plutarch. Selected biographies: in 2 vols]. Moscow, Pravda Publ., 1990, vol. 1, pp. 5–24. (In Russ.)

Shushpanova M. A. *Mifopoetika A. Bayett*. Dis. ... kand. filol. nauk [Mythopoetics of A. Byatt. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2019. 214 p. (In Russ.)

Epstein M. N. *Esseizm kak napravlenie v culture (1982)* [Essayism as a movement in culture (1982)]. *Postmodern v russkoy kulture* [Postmodernity in Russian culture]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2005, pp. 372–377. (In Russ.)

Browning D. Designing men: The art of William Morris and Mariano Fortuny. *The New York Times*. September 9, 2016. Available at: <https://www.nytimes.com/2016/09/11/books/review/a-s-byatt-william-morris-mariano-fortuny-peacock-and-vine.html> (accessed 10.04.2020). (In Eng.)

Byatt A. S. *Degrees of Freedom: The Early Novels of Iris Murdoch*. London, Vintage, 1994. 358 p. (In Eng.)

Byatt A. S. *Peacock & Vine: On William Morris and Mariano Fortuny*. N. Y., Alfred A. Knopf, 2016. 184 p. (In Eng.)

Byatt A. S. Still life / Nature morte (1986). Byatt A. S. *Passions of the Mind*. L., Vintage, 1993, pp. 9–20. (In Eng.)

Heffernan J. A. W. *Museum of Words: The Poetic of Ekphrasis from Homer to Ashbery*. Chicago, London, University of Chicago Press, 2004. 249 p. (In Eng.)

Hicks E. *Material pleasures: The still life in the fiction of A. S. Byatt*. Doctor of Philosophy thesis, University of Wollongong, 2009. 253 p. (In Eng.)

MacCarthy F. Peacock and Vine by A. S. Byatt review – Mariano Fortuny and William Morris, masters of design. *The Guardian*. July 1, 2016. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2016/jul/01/peacock-and-vine-by-as-byatt-review-mariano-fortuny-william-morris> (accessed 10.04.2020). (In Eng.)

Murray D. A trick of the light. *The Spectator*. July 9, 2016. Available at: <https://www.spectator.co.uk/2016/07/who-let-a-s-byatt-publish-peacock-and-vine> (accessed 10.04.2020). (In Eng.)

Phillips Ju. *A. S. Byatt: I have not yet written enough at 80, the iconic writer reflects on Brexit, mortality, and the literary life*. February 9, 2017. Available at: <https://lithub.com/a-s-byatt-i-have-not-yet-written-enough> (accessed 10.12.2019). This interview originally appeared in Dutch, in Trouw, Dec. 3, 2016. (In Eng.)

Shilling J. The stuff of life: how A. S. Byatt intertwined the lives of William Morris and Mariano Fortuny. *The English Revolt*. July 21, 2016. Available at: <https://www.newstatesman.com/culture/books/2016/07/stuff-life-how-s-byatt-intertwined-lives-william-morris-and-mariano-fortuny> (accessed 10.04.2020). (In Eng.)

Tiffin J. Ice, glass, snow: Fairy tale as art and metafiction in the writing of A. S. Byatt. *Marvels & Tales*, 2006, vol. 20, issue 1, 2006, pp. 47–66. (In Eng.)

Wood A. P. Book review: Peacock and Vine by A. S. Byatt. *The New Zealand Listener*. March 29, 2017. Available at: <https://www.noted.co.nz/culture/culture-books/book-review-peacock-and-vine-by-as-byatt> (accessed 10.04.2020). (In Eng.)

GENRE POETICS OF A. S. BYATT'S BOOK 'PEACOCK & VINE'

Nina S. Bochkareva

Professor in the Department of World Literature and Culture

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. nsbochk@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0518-9976>

SPIN-code: 5691-5020

ResearcherID: P-2300-2016

Submitted 15.05.2021

The article deals with the last book of the well-known English writer A. S. Byatt *Peacock & Vine* (2016) in the context of her oeuvre (novels, stories, essays). It is proved that the controversial reviews by British critics are caused by the character of the genre and the author's mythology. The book combines biographies of two artists and an essay on design of the turn of the 19th–20th centuries. It is concluded that A. S. Byatt uses her particular method of analogy at different levels of poetics. She juxtaposes biographies and oeuvres of William Morris and Mariano Fortuny with the help of such universals as the North and the South, which acquire a complicated character due to their being represented through national (or more specifically, cultural) images and symbols. The emphasis is not so much on the life as on the oeuvre of the designers – first and foremost, their houses and fabrics as seen by Byatt herself and through her biography and oeuvre. Her main principle lies in conceiving something of her own through something of the other's, and vice versa. While the figure of Morris in Byatt's novel *The Children's Book* (2009) was fitted in the social, political, and psychoanalytical contexts of the epoch, the book *Peacock & Vine* 'illuminates' the artist's life both with his own works and Fortuny's experiments with colors and light.

The main evaluation criteria are color (light) and proportion (contexture), distinctive for both the artists' design and Byatt's style. However, in verbal interpretation of floral and animalistic ornaments (vines and pomegranates, peacocks and phoenixes, lions and dragons), one can see a comprehensive dialogue between paganism and Christianity, past days and modernity, a man and a woman, two famous designers, *ars nouveau* and *ars deco*. Illustrations (photographs, drawings, reproductions) together with the verbal text of the biographical essay make an organic whole of the book, which emphasizes a special role of paratext in Byatt's works. Searching for words to represent visual images is a special task for an author of a biographical essay that she was conscious about in her works. In the book *Peacock & Vine*, Byatt acquires the accuracy and clarity of the language she was dreaming of when working over the novel *Still Life* (1985). At the same time, simplicity and complexity of her style have become an integral part of her own mythology. The Englishman Morris, being passionate about the Middle Ages and the North, travelled to Iceland and conceived of the Scandinavian saga as a real history. In the Byatt's book he is compared with the Spaniard Fortuny, who had a penchant for Classical Antiquity and the Mediterranean world, lived in Paris and Venice, and conceived of the Scandinavian saga only through the prism of the Wagner Theatre. As to the Byatt's love to Scandinavian mythology, it goes back to her war-time childhood, which is reflected in her book *Ragnarok: The End of the Gods* (2011).

Key words: essay; biography; ekphrasis; William Morris; Mariano Fortuny; A. S. Byatt.